

Дени Аркан: все время примеряешься — как бы умереть лучше

Коммерсантъ - 20.03.2003 - 27 сент - с. 9.

премьера КИНО

В ЦДЛ состоялась премьера фильма «Нашествие варваров» канадского режиссера Дени Аркана (рецензию см. во вчерашнем „Ъ“). Показ был приурочен к государственному визиту в РФ ее превосходительства высокопочтимой Андриенн Кларксон — генерал-губернатора Канады. С ДЕНИ АРКАНОМ встретился корреспондент „Ъ“ АЛЕКСЕЙ КАРАХАН.

— «Нашествие варваров» — это сиквел фильма «Закат американской империи», который вы сняли в 1986-м. Как изменилась ситуация в мире за это время?

— Тогда существовал Советский Союз, который уравнивал мощь США, и к тому же существовала опасность ядерной войны. Это были условия, в которых мы были вынуждены жить. Сейчас мир устроен совсем иначе. Америка правит миром, но она постоянно со всеми воюет, а опыт всех предыдущих империй подсказывает, что рано или поздно она рухнет. Если говорить обо мне и моих героях, то за это время мы стали старше. Когда я делал первый фильм, мне было 45, а сейчас мне уже 62 года.

— Почему вы вернулись к уже использованным образам, чтобы рассказать эту историю, а не создали новых героев?

— Это не сиквел в голливудском понимании. Я долго хотел снять фильм о человеке, который умирает. Я даже несколько раз начинал писать сценарий, но каждый раз мне не нравилось то, что получалось, это было слишком депрессивно. И я не знал, что делать. А потом мне в голову пришла идея снять фильм о смерти с героями мое-

го прежнего фильма, я написал сценарий, и мне понравилось.

— К герою вашего фильма применяют эвтаназию. Вам кажется, это лучший способ уйти из жизни?

— В таких вопросах вообще нельзя ни в чем быть уверенным. Смерть — это такая страшная штука, что в течение жизни ты все время примеряешься к тому, как бы умереть лучше. И в данном случае я говорю о том, как лично я вижу идеальную смерть — для себя, моих друзей и близких. В результате все, скорее всего, произойдет совсем не так; это просто моя мечта.

— После просмотра вашего фильма страх смерти резко возрастает. Вы зачем людей пугаете?

— Ну извините, что я вас напугал. Но, может быть, это пойдет вам на пользу и вы станете более серьезным человеком. По правде говоря, я никого не пугаю, я сам очень боюсь. Хотя после съемок я стал бояться больницы чуть ли не больше, чем смерти. Ведь

если мы тихо умираем в своей постели, это не так уж плохо, тем более что нам всем это предстоит. Но находиться одному, больному и страдающему, в больнице с плохим персоналом, с незнакомыми и вряд ли приятными мне людьми — это чудовищно. Но все равно я старался сделать очень спокойный фильм о смерти, который не должен пугать.

— В одном эпизоде появляется священник, который говорит странную фразу: «Люди отошли от религии в 1966 году». Интересно, что именно случилось в 1966-м?

— Тут дело не в конкретной дате, может, это случилось в 1965-м или в 1968-м. Дело в том, что канадская провинция Квебек традиционно контролировалась католической церковью, и люди вроде моих родителей были чудовищно религиозными. Это было такое же клерикальное общество, как в свое время испанское или ирландское. Но в середине 60-х в течение одного года (и тут неважно, какого именно) люди вдруг перестали ходить в церковь, причем никаких серьезных потрясений не случилось. Это был социальный феномен, которому до сих пор нет внятного объяснения. Но факт в том, что церкви пустели изо дня в день. Это загадка.

— Взгляды вашего героя формировались как раз в это время — видимо, поэтому он абсолютно нерелигиозен. А как вам кажется, вера могла бы помочь ему бороться с паническим страхом, который он испытывает по отношению к смерти?

— Я видел, как умирают мои родители, они были очень верующими людьми, и это им помогло, что называется, уйти с миром. Ведь они были

уверены, что попадут в рай и увидят Бога или кого-то, кто их ждет. Поэтому перед смертью они не испытывали ни сомнений, ни страха. И это очень хорошо. Проблема в том, что если ты реально не веришь во все это, то ты не сможешь себя заставить поверить. И мой герой в этом смысле похож на меня. Он рационалист, который провел жизнь за чтением книг, в первую очередь связанных с историей. И если ты знаком с человеческой историей, то ты знаешь, что она была отвратительно жестокой. И довольно сложно после всех этих войн и прочих чудовищных злодеяний представить себе, что всем этим управляет Бог, который допускает, чтобы люди жили таким образом. Поэтому верить в него сложно. Может быть, у нас есть чувство, что он когда-то был, но сейчас он, по-моему, точно ушел.

— Ваши герои все время костерят окружающий их мир. Вам действительно кажется, что современная цивилизация находится в упадке?

— Я не знаю, в кризисе она или нет. Просто ситуация не развивается, а человеческой цивилизации свойственно постоянно находиться в упадке. Сейчас мы живем в мире, которым правит Америка, я не думаю, что это более плохая ситуация, чем, например, сто или тысячу лет назад.

— В какой-то момент ваш герой видит по телевизору кадры теракта 11 сентября. Вы показываете эту трагедию довольно небрежно. Вам кажется, что глобальная катастрофа ничтожна в сравнении с несчастьем каждой отдельной семьи?

— Я думаю, и то и другое важно. И тут совершенно не нужно выбирать. Надо помнить, что все мои герои — ис-

торики, и они все события рассматривают как часть глобального процесса. И для них очень важно понимать, в каком времени они живут, и присваивать этому времени какие-то символические названия. И, как замечает один из героев, «11 сентября — это начало нашествия варваров». Может быть, он прав.

— И что сейчас сильнее — империя или варвары?

— Это борьба. Из истории мы знаем, что варвары всегда побеждают. Вопрос в том, сколько времени это у них занимает. Я уверен, что они победят и сейчас, просто битва может длиться пять веков. Поэтому к моменту, когда это случится, все мы будем уже давно мертвы.

— Почти все философские идеи, которые в разное время исповедовали ваши герои, от троцкизма до ницшеанства, имеют европейские корни. Вам кажется, что европейская культура по-прежнему доминирует в мире, а не уступила американской или «варварской»?

— Я не думаю, что американская культура такая уж сильная. Мне кажется, она могла бы стать такой, но этого не произошло. И в какой-то момент она вообще исчезнет. Она уже сейчас значительно измельчала по сравнению с тем, что было в 30–50-е годы. Сейчас это просто поп-культура, а она в принципе довольно неспособна. Так что европейская культура — это все, что у нас есть. Ведь она — это лучшее, что удалось сделать человеку. Я думаю, что она будет существовать всегда, так как она вся сохранится в книгах. И в этом смысл финального кадра в фильме, в котором показана комната, полная книжных полоков.